

*Путь к любви – самый длинный
из всех коротких!*

Счастье
за три дня

Роман

НАТАЛИЯ
МИРОНИНА

Счастливый билет

Наталия Миронина
Счастье за три дня

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Миронина Н.

Счастье за три дня / Н. Миронина — «Эксмо»,
2020 — (Счастливый билет)

ISBN 978-5-04-116038-8

Кто-то скажет – романтическая и расчетливая, кто-то хихикнет: врушка. И все это о Дине Васнецовой, с седьмого класса влюбленной в Олега Бахметьева. Их пути разошлись сразу после окончания школы – и вот, спустя почти тридцать лет, Олег и Дина едут в вагоне поезда «Москва – Петербург». Он узнает рыжую интриганку, но старается сделать всё, чтобы она его не заметила. И... к концу пути очаровывается ею. У него есть шанс окунуться в прошлое или тихо ретироваться. Только школьная любовь слишком сильна, чтобы так просто вычеркнуть ее из своей жизни.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-116038-8

© Миронина Н., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

День первый	5
Глава первая	5
Глава вторая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Наталия Миронина

Счастье за три дня

День первый

Если вам скажут, что врать нельзя, – не верьте. Врать можно. А еще можно хитрить, ловчить, водить за нос. Вопрос в том, ради чего вы это все затеяли.

Глава первая

Отъезд

– Ты, пожалуйста, не экономь на еде. Обедай. И ужинай. Не просто булочку с кефиром. Ешь нормально. Салат. Что-то горячее. И не терпи до ночи. В семь часов ужин. Мама, ты меня слушаешь? – сурово спросила Ася, глядя на мать.

Дина спохватилась и сделала внимательное лицо. Ася была строгой дочерью. Она сама жила по расписанию и требовала этого же и от других. В частности, от родной матери.

Дина предпочла бы сама добраться до вокзала. Ведь путь был близким. Сначала автобус, потом немного пешком. И вот она уже у Ленинградского вокзала. Она бы купила воды, газету или журнал, жевательную резинку и очень вредную и, честно сказать, невкусную шоколадку. Поглазела бы на витрины, понаблюдала бы за пассажирами. Может быть, купила бы себе платок или шарф. Чтобы в обновке сесть в поезд. Шарф, шоколадка, вода и журнал стоили бы дорого, как и все, что продается на вокзалах и в аэропортах. Но путешествие есть путешествие. Даже если путешествие строго деловое. В конце концов, можно не задумываться об одних мелочах и получать удовольствие от других. Например, очень хотелось пройтись пешком по осенней улице, пружинить на маленьких удобных каблучках, везти новый чемоданчик и прислушиваться к дробному стуку его колесиков. В этом коротком пути до вокзала уже было предвкушение перемен. Но все случилось иначе. Дочь Ася заехала за ней на своем бордовом «пыжике», придирчиво осмотрела вещи, уложенные в чемодан, и самолично добавила туда теплый свитер.

– Осень в Питере может оказаться зимой. Я вообще не понимаю, почему ты так долго откладывала эту поездку. Могла еще в августе съездить. В августе везде тепло, – сказала она и добавила еще туда шерстяные носки.

Дина ничего не ответила, поскольку предпочитала не вступать в полемику с дочерью. К тому же ей была приятна такая забота. А вот спорить с Асей не представлялось возможным.

Затем Ася сварила кофе, добавила в материнскую чашку молока и сделала бутерброды.

– Знаешь, в поезде кормят, но это будет еще часа через два. С твоим низким давлением не стоит выходить на голодный желудок.

И тут Дина согласилась – отчего бы не поесть перед дорогой? Затем они спустились вниз, Ася погрузила чемодан в машину и, сев на водительское место, произнесла:

– Я, конечно, не могу возражать против этой поездки. Хоть многое мне кажется странным...

– Ну почему же странным? – пожала плечами Дина. – Кроме нас, никаких других родственников у этой Клары не было... Поэтому...

– Мама, а скажи, странности с именами – это у нас в роду? – перебила ее дочь.

– Какие странности? – оторопела Дина.

- Ну, как... Ты – Дина, я – Ася, дальняя родственница – Клара.
- Действительно, – рассмеялась Дина, – ни одной Иры или Оли.
- Кати или Тани, – подхватила Ася.
- Ну, мое имя – старое, семейное. От прабабушки твоей, моей бабушки, маминой мамы...
- А почему меня Асей назвали?
- Я перед родами Тургенева читала. Там героиня у него есть – Ася. И потом, хорошее имя. Короткое, лаконичное.
- Помню я эту Асю, читала про нее. Мне она не нравилась, – пробурчала дочь.
- Дина увидела, как что-то очень детское и упрямое проступило на ее лице. «Двадцать два года – это не так много, как кажется», – подумала Дина. Она дотронулась до плеча дочери:
- Асечка, пожалуйста, ты тоже себя береги. И машину аккуратно води, и вообще...
- «Вообще» я тебе точно обещаю, – покосилась на мать Ася.

На вокзале, несмотря на ранний час, была сутолока. Дина попыталась отправить дочь домой – до работы было еще время и она могла поспать час-другой.

– Ты ко мне домой поезжай, поспи немного. У тебя целый рабочий день впереди. И совсем не стоило меня провожать, сама добралась бы... – засуетилась Дина.

– Мама! – нахмурила брови дочь. – Давай теперь поговорим о нотариусе. Ты же сначала все внимательно выслушай, посмотри документы. Потом позвони мне и отправь копии. И ничего не обещай. Я все проверю и перезвоню. Пусть ждут, законы здесь на нашей стороне.

– Я все понимаю, – пообещала Дина. – Ты не волнуйся. Между прочим, твоя мать не выжила из ума, она прекрасный работник, обеспечивает себя сама и вырастила такую замечательную дочь.

Видимо, какая-то незнакомая нотка проскользнула в голосе Дины, потому что Ася обняла ее:

– Господи, да сильнее и умнее тебя никого на свете нет. И я это серьезно. Но я же волнуюсь за тебя.

– А я за тебя.

– Поэтому мы с тобой вдвоем – настоящая семья.

Дина который раз похвалила себя за то, что никогда не морочила дочери голову и в свое время на вопрос: «Где мой папа?» – ответила честно. «Твой папа с нами не живет. Он решил, что ему надо жить отдельно», – сказала она. «Он что, даже приходить к нам не будет? Я хочу посмотреть на него», – спросила дочь. «Он не будет к нам приходить! – спокойно, но твердо произнесла Дина и добавила: – Вырастешь – и сама его наведишь. Если захочешь».

Ася выросла. Отца навестила и потом сказала матери:

– Интересно, почему так называемые свободные люди выглядят ущербно.

Дину передернуло. Она поняла, о чем идет речь, но особенно расспрашивать не стала. Все ждала момента, когда Ася сама поделится впечатлением. Этот момент наступил очень скоро.

– Мама, я не буду больше с папой встречаться. Понимаешь, это как-то ненатурально. С одной стороны, он таким виноватым себя чувствует, что мне неудобно. Я его не видела всю свою жизнь и не считаю, что он мне чем-то обязан. А с другой стороны, у него обида на тебя. Что там у вас было – не хочу знать. Но я увидела, с каким облегчением он прощался со мной. Ему много лет, он нездоров, но моя помощь ему не нужна. Мне не нужна его. А так получается, что больше резонов-то и нет.

– Как ты решила, так и будет, – спокойно согласилась Дина, и вопрос был навсегда закрыт.

Сейчас, на вокзале, ощутив прилив нежности, Дина обняла дочь и, чтобы скрыть свое волнение и не показаться смешной, произнесла:

– Представляешь, мы с тобой получили наследство! В это даже поверить сложно. Мы – и просто так получили. Такого просто не бывает! Мы же должны заработать себе блага жизни! В поте лица своего.

– Ох, мам! – воскликнула Ася. – Вот кто-кто, а ты это заслужила. Но, даже если это какая-то ошибка или недоразумение, не переживай. Я скоро буду двумя секторами руководить. Это и денег больше, и перспективы...

Дина не успела ответить – объявили посадку, и они заспешили к вагону.

Серо-белая гусеница «Сапсана» вытянулась на весь перрон. У дверей пассажиров встречали милые девушки в форменных костюмах.

– Тебе сюда, вагон номер четыре! Твой, можно сказать, любимый! – пошутила Ася и потянула мать за руку.

У Дины радостно забилося сердце – как давно она никуда не уезжала, как давно она не была в Питере и как давно в ее жизни не случалось чудес. Сейчас же, стоило ей сделать лишь один шаг, покинуть перрон, войти в этот белоснежный вагон, как жизнь тут же преобразится.

Ася никуда не ушла, пока не тронулся поезд. Дина, заняв свое место, махала ей рукой, улыбалась и что-то пыталась сказать. Ей казалось, что она уезжает не на три дня, а на целую вечность. Ее дочь, посадив мать в поезд, вдруг потеряла всю свою серьезность и суровость – теперь ее лицо смягчилось и стало немного растерянным. Дина, увидев это, расстроилась. «Господи, да у нее никого и нет, кроме меня!» – подумала она, но тут же одернула себя. В жизни их маленькой семьи было все замечательно – и мама, и дочка уверенно стояли на ногах, имели работу, жилье, рядом с ними всегда были друзья. «А что еще надо?!» – спросила сама себя Дина, когда уже поезд выполз из-под перронного навеса и медленно пробирался мимо запасных путей и пакгаузов.

Да, а что еще хотела бы иметь в жизни Дина Васнецова, приятная женщина сорока пяти лет, с длинными рыжими волосами, заплетенными в косу? Эта странная для ее возраста прическа не несла никаких особых мессенджей, как принято теперь говорить, а просто была выбрана в силу удобства и быстроты изготовления. Дина Васнецова в своей жизни все делала сама – ставила задачи, определяла цели, принимала решения. Она сама расплачивалась за свои ошибки, не тратя времени на поиски виноватых. И теперь, к сорока пяти годам, могла сказать, что ее жизнь удалась – хорошая профессия, взрослая дочь, какое-никакое материальное благополучие и уверенность в завтрашнем дне. Конечно, глобальные катаклизмы семья Васнецовых не пережила бы, но устоять на ногах в экономический шторм Дина и Ася смогли бы.

...Образование Дина получила медицинское, окончив стоматологический институт. Сразу после школы она поступить не смогла, хотя готовилась тщательно и аттестат имела приличный. Целый год Дина проработала в медицинском центре администратором. Со своими нехитрыми обязанностями она справлялась легко и, оглядевшись вокруг, поняла, что с выбором профессии не ошиблась. Ей нравилось каждый день работать с девяти до шести и находиться среди людей в белых халатах. В профессии врача все было реальностью: вот недомогание, вот помощь – и вот облегчение. Несмотря на то что была Дина натурой весьма романтической, у нее вызывали уважение конкретные дела и, как их логическое завершение, реальный осязаемый результат. Поэтому, ожидая следующего года, Дина так и проработала администратором в регистратуре медицинского центра. И даже изредка ассистировала в кабинете первичного приема. Дина боялась потерять работу – ее пожилые родители зарабатывали очень мало, скоро стали пенсионерами, а времена нарождающегося капитализма были суровые. Поэтому юная Васнецова на месте не сидела. Она бесконечно училась, овладевала навыками: физиотерапия, инъекции внутривенные, инъекции внутримышечные, курсы массажа и прочее. Весь год без усталости посещала тренинги и разного рода обучающие семинары. Она сдавала экзамены, получала дипломы – и уже через год стала полноценным членом медицинского коллектива.

– Дина, вы размениваетесь. Не отклоняйтесь от курса. С вашим характером из вас получится отличный хирург-стоматолог, – не раз говорил ей Арсен Вагитович, ведущий специалист центра.

Дина Васнецова кивала, соглашаясь, но для себя понимала: она не разменивается и не отклоняется, она таким образом выживает. Если можно чему-то научиться – надо учиться. Что пригодится – неизвестно, как жизнь повернется – тем более. Через год Дина поступила в стоматологический институт. Поступила, прекрасно сдав экзамены и имея опыт работы в медицине. А конкуренция при поступлении была огромна. Абитуриенты – мальчики и девочки на дорогих машинах – были совершенно спокойны за свою студенческую судьбу. Дина относилась к такого рода явлениям спокойно – она понимала, что всегда рядом окажется кто-то, кому жить будет легче и приятнее. Значит, она, Дина, должна лишь увеличить темп и прибавить скорость продвижения по жизненному пути.

С дипломом она вернулась в свой медицинский центр и сразу получила практику. Нельзя сказать, что все шло гладко, но Дина умела ладить с людьми и жить в коллективе. Она не была завистливой и склочной. К тому же, если человека не понимала, это не мешало ей принять его точку зрения. То есть врагов себе она не наживала, а вот людей, готовых ее поддержать, рядом с ней становилось все больше и больше.

Женщина хирург-стоматолог – явление не очень частое даже в эпоху прогрессирующего феминизма. Однако профессиональный выбор Дины вызвал некоторое замешательство в кругу ее родных и знакомых.

Родители удивлялись молча. Ведь с самого детства их дочь была особой романтической и мечтательной: она много читала, слушала музыку. Мама и папа не догадывались, что эти увлечения были поверхностными. Дина любила то, что модно, что на слуху и всеми признано. Более сложные произведения у нее не хватало терпения прочитать, прослушать и самостоятельно оценить. В живописи Дина разбиралась лучше, но и тут сторонилась всего грубого, некрасивого и вызывающе непонятного. Изящные английские акварели, картины импрессионистов, хорошо выписанные книжные иллюстрации – все это она очень любила и могла рассматривать часами. И в юные годы, и сейчас по музеям Дина ходила всегда одна – ей некомфортно было в толпе, а подруга Катя Пчелкина не являлась ценительницей живописи.

Пчелкина до сих пор посещала «Дисотеку восьмидесятых» и концерты «Автордио», где активно зажигала.

– Понимаешь, мне некогда было танцевать, когда мы с тобой молодыми были, – объясняла она свое пристрастие Дине, – я деньги зарабатывала и семью содержала. Да и обстановка тогда была та еще! А теперь – красота! И приятно молодость вспомнить, и отличная возможность размяться. Опять же, познакомиться можно со сверстниками.

Однажды Пчелкиной удалось затащить Дину на такой концерт. Стояли они в танцевальной зоне, вокруг народ орал, плясал и прыгал. На сцене под фонограмму пели постаревшие звезды.

– Глупая, здесь главное не слова, а танец, движение, драйв! – рассмеялась Пчелкина, видя, как поморщилась Дина, сразу определившая, что поют под фонограмму. – Так что давай, включайся, у нас тут уже свой круг образовался!

Действительно, люди вокруг радостно выплясывали, улыбаясь друг другу. С Диной попытался познакомиться полноватый мужик с татуировкой на запястье. Дина отделалась неловкими улыбками. Шум вокруг стоял изрядный, а потому и разговор можно было не поддерживать.

– Зря ты так, нормальный мужик, – заметила по этому поводу Пчелкина.

Дина благоразумно промолчала – по ее мнению, знакомиться в таких местах было глупо.

И больше на подобные мероприятия не ходила. Не прерывая, впрочем, дружбы с Катей Пчелкиной.

...Итак, Дина наконец получила место хирурга-стоматолога. Тот самый Арсен Вагитович взял над ней шефство, и, если к нему попадал человек, чей зуб спасти не представлялось возможным, Арсен Вагитович направлял его к Васнецовой.

– Не женщина – фея, – обязательно говорил при этом врач, – а удаляет так, как будто щекочет вас за ушком.

Пациенты впадали в столбняк, увидев худенькую рыжую женщину, и начинали сомневаться. Но Дина вела себя спокойно и властно. В своем кабинете она была богом. Эта ее манера подавляла волю пациента и блокировала желание сопротивляться. К тому же обнаружить свой страх перед такой приятной особой многие просто не решались.

Окружение Дины удивлялось – тяжелая, «кровавая» работа никак не сочеталась с образом немного рассеянной, немного легкомысленной модницы, коей всегда была Васнецова.

Лучшая подруга Пчелкина по этому поводу ехидничала:

– Тебя вообще к хирургии подпускать нельзя. Ты во рту у пациента клещи забудешь! Вот влюбишься очередной раз, будешь витать в облаках – и забудешь.

Дина в таких случаях краснела и отмахивалась. Но Пчелкина знала, о чем говорила. Ко всему прочему Дина Васнецова была натурой удивительно влюбчивой. Состояние влюбленности было органично и естественно для нее, как для некоторых естественны ложь или зазнайство. Где бы Дина ни появлялась, она сразу же выбирала себе объект и немедленно в него влюблялась. А затем вступал в силу один и тот же сценарий. Дина пожирала глазами ничего не подозревающую жертву. Воображала знакомство с этим мужчиной, их встречи, объяснения. В своих мечтах она доходила до такой фантастической реализации, что, когда вдруг обнаруживалось, что объект не свободен, Васнецова начинала страдать. Грубая и материалистически мыслящая Катя Пчелкина утешала ее одними и теми же словами:

– Понимаешь, человек даже не догадывается, что он тебе нравится! Ты же ни намеком, ни словом не даешь ему это понять. Откуда же ему знать-то! Он и не знал. Поэтому и стал ухаживать за другой.

Васнецова понимала, что подруга права. И знала за собой это дурацкое качество – влюбиться и придумывать отношения. Самое интересное, что она всегда проводила параллели с художественной литературой. «Эта девушка – ну точно как Скарлетт из «Унесенных ветром»! А ее спутник – один в один такой, каким был бы пожилой президент Кеннеди», – например, думала она, глядя на какую-нибудь парочку. При всем при этом малахольной душой Дина Васнецова не была. Она отлично работала, делала все для того, чтобы обустроить должным образом старость родителей и как можно меньше зависеть от внешних обстоятельств. Васнецова завела банковский счет, который регулярно пополняла. После ухода родителей (они умерли в один год) она очень долго и терпеливо разменивала их квартиру. Ее дочь Ася была еще мала, но Дина понимала, что роскошь трехкомнатной квартиры в центре Москвы, где всю жизнь она прожила с родителями, ей сейчас не по карману. К тому же девочка вырастет, и ей понадобится жилье. «Нужно подумать и о ее личной жизни: выйдет Ася замуж – и им будет где жить!» – размышляла Дина. И она, потратив уйму времени, нашла-таки нужные варианты. Квартиры оказались маленькими, но в хороших домах, обе рядом с метро. Причем одну из квартир Дина ухитрилась купить возле станции «Бауманская», то есть почти в центре. Дина и Ася долго жили именно в ней, сделав самый простой косметический ремонт – на качественный уже не осталось денег. А когда накопили нужную сумму, то ремонт в ней сделали современный, модный – и стали эту квартиру сдавать. Дина, несмотря на свою романтическую восторженность и погружение в переживания, практическую жизнь выстраивала прямо-таки железной рукой.

По поводу излишней внешней романтичности подруга Пчелкина как-то в сердцах сказала:

– Я не могу понять, Васнецова, ты же нормальная баба – на тебе половина твоего центра держится. А зубы удаляешь как бог. Так чего же ты не можешь научиться с людьми общаться?! Зачем манерничаешь? Не обижайся, но иногда ты выглядишь по-идиотски. Что это за ужимки? Зачем ты с мужиками разговариваешь так многозначительно? С какими-то намеками. Ты человека видишь третий раз в жизни, а плечами поводишь, словно у вас роман два года длится.

Дина обижалась на подобные замечания, но сама знала за собой такой грех. В обществе людей, которым она хотела понравиться, Дина Васнецова не умела быть естественной. Ей хотелось быть просто милой, но то ли ее подводило желание непременно быть похожей на героиню романтической литературы, то ли действительно она так стеснялась, что в результате выходило все по-идиотски.

Сидя сейчас в вагоне поезда, Дина смотрела в окно и удивлялась знакомым московским пейзажам. Она сто раз бывала в этих местах, но никогда не обращала внимание на их некрасивость. «Жаль, ведь люди подъезжают к нашей столице и видят такое!» – подумала Дина. В это время зазвонил телефон. Дина порылась в своей огромной сумке, выудила телефон и закричала в него, забыв о том, что вокруг нее люди:

– Да, алло! Привет! Уже едем, да-да, едем!

Ее собеседник стал что-то говорить, но из всех его слов Дина разобрала только: «Едем? Ты же одна собиралась ехать?! Почему – едем? Ты с кем туда отправилась?!» Тут Дина смущенно огляделась и тихим голосом осторожно произнесла:

– Это так, оговорка. Поезд едет. Много пассажиров. Поэтому я сказала – едем. А так – я одна.

Васнецова заметила ехидную усмешку дамы, сидящей напротив. Их разделял только столик, и Дина была уверена, что интонацию голоса ее собеседника дама тоже услышала.

– Ты знаешь, тут шумно сейчас, я тебе перезвоню. У меня все хорошо, не волнуйся, – проговорила Дина, а последнюю фразу произнесла особенно отчетливо. Чтобы стереть ухмылку с лица соседки. Дина знала, что звонивший по-настоящему волнуется. И эта придирка к словам – ревность, а не дань традициям. С одной стороны, это огорчало – ей было жаль человека, который зря переживает. А с другой стороны, Дина уважала традиции, какой бы сферы жизни они ни касались. «Традиции – это основа, залог порядка. Положено попроситься – вот и попросились. Положено поволноваться – вот он и проявил обеспокоенность!» – думала она, разглядывая попутчиков.

В вагоне все занимались своими делами. Доставали наушники, бумаги для работы, книжки. Кто-то устраивался спать. Дина вдруг ощутила блаженство – она вырвалась из будней, ее ждут три дня совсем другой жизни, а главное, она наконец узнает, что же это за тетка Клара, после которой осталось наследство. Дина достала из сумочки зеркало и мельком взглянула на себя. «Да, синяки под глазами, но это я не выпалась. Приеду – передохну. А так все хорошо. Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить. И большего даже желать нечего!» – подумала она.

Для вида Дина тоже достала книжку. Читать не хотелось – волнение и предвкушение предстоящих дел все равно не дали бы ей сосредоточиться. Но и просто смотреть перед собой оказалось не очень удобно – ведь напротив сидела та самая тетка, которая ухмылялась телефонному разговору. И встречаться с ней глазами Дине не хотелось. «Хорошо бы на обратном пути у меня было место не у стола», – подумала она и тут же усмехнулась. За эти три дня многое должно было произойти, и думать сейчас о таких пустяках было просто смешно. Васнецова повертела головой в поисках проводника, а найдя его, попросила кофе.

– С молоком? – поинтересовалась девушка-проводник.

– Если можно, – ответила Дина, и уже минут через пять перед ней стоял ароматный кофе. Васнецова улыбнулась, предвкушая удовольствие, и поднесла бумажный стаканчик ко рту. В это время поезд качнуло, и кофе выплеснулся на руку. Дина вскрикнула, постаралась аккуратно донести стаканчик до стола и поставить его ровно.

– Вам помочь? – со всех сторон послышались голоса.

– Нет, спасибо, сама виновата. Поторопилась! – с извиняющимся выражением на лице замотала головой Дина, потирая руку.

– А у вас кофе на свитерке. Очень заметно и очень неаккуратно, – громко сказала дама, которая посмеялась над телефонным разговором Дины. – Надо снять и застирать.

Дина охнула и приложила руку к груди – действительно, там было мокро.

– Ничего, свитер я сниму, посижу в футболке. А когда будем подъезжать, достану другой. – С этими словами Дина приподнялась и стала стаскивать с себя свитер. Многочисленные зрители притихли. Сначала они увидели, как скрылась голова Дины, как вытянулись ее руки, слегка оголился плоский загорелый живот, и наконец свитер был снят, а Дина предстала в белой обтягивающей футболке. Мужская часть вагона отвела глаза – ведь среди одежды нет ничего более сексуального, чем обычная спортивная форма. К тому же фигура неловкой пассажирки была весьма соблазнительной. Тонкая талия, высокая грудь, отличная осанка. Дина пригладила растрепавшиеся волосы, перекинула рыжую косу за спину и села на свое место.

– Спасибо большое, если бы не вы, так бы я и ехала с пятном на груди.

Соседка что-то буркнула в ответ. Она каким-то женским чутьем заподозрила во всем этом спектакль. Дина скрыла улыбку, уткнувшись в книгу. «А вот нечего вредничать!» – мысленно обратилась она к соседке.

* * *

Бахметьев вошел в вагон первым. Не то чтобы он спешил или специально так подгадал. Привычка всегда выходить заранее и боязнь опоздать давали свой результат. Пока остальные пассажиры толпились у входа в вагон, Олег развесил плащ на плечиках, достал из саквояжа папку с бумагами, пакетик с носовыми платками и бутылочку сока. Аккуратно разложив все это на столе, он занял свое место. «Ну да, не первый класс, но жить можно», – сказал он сам себе, наблюдая, как заполняющие пространство вагона экономкласса пассажиры пытаются быть любезными, сталкиваясь друг с другом в проходе.

Олег Бахметьев давно уже ездил первым классом и в самолете предпочитал бизнес-класс. Он не был богатым человеком в буквальном смысле слова, но занимал пост, который позволял ему некоторую деловую роскошь. Да и подчеркнуть статус тоже было полезно. Год назад у него появилась новая секретарша. На смену опытной пожилой даме, которую Бахметьев боялся больше жены, пришла миловидная, растерянная девица по имени Людмила. Людмила очень старалась, все записывала, все фиксировала в своем «молескине» и... все благополучно путала и забывала. Бахметьев чувствовал, что сердиться на такую – это сердиться на снегопад. Вот такое явление природы – и ничего с этим не поделаешь. Он только терпеливо объяснял все по десять раз и давал себе обещание выгнать эту девицу при первом же удобном случае. Но все случаи были удобны, просто до сих пор Бахметьев не решил, какой же из них наиболее предпочтителен. Поэтому Людмила работала, Бахметьев страдал... Вот и билеты на «Сапсан» заказывала Людмила. Вручила их Олегу, Олег помчался на встречи и совещания, простоял весь день в пробках, не имея возможности проверить купленные ему билеты. И только вечером за поздним ужином, под подозрительным взглядом жены, наконец поинтересовался ими.

– О боги! – простонал он, увидев, что вместо привычного бизнес-класса он едет в вагоне, в котором к тому же разрешен провоз домашних животных.

– Подумаешь, – зло сказала жена Лена, – когда-то и в плацкартном вагоне люди ездили.

– В плацкартном вагоне не возили коз, – парировал Олег.

Меньше всего ему хотелось пререкаться с Леной. Она была любительницей мелких вечерних разборок.

– Некоторые козы ездят в бизнес-классе. За счет тех, кого они сопровождают! – продолжила Лена.

Олег промолчал. А потом, наблюдая, как Лена тщательно моет под краном фарфоровую чашку, подумал: «Она же очень способная, деловая, хваткая, она умница. Она все ловит на лету и вкалывает как вол. Хотя могла бы и не работать – я вполне обеспечу и себя, и сына, и ее. Но почему при таких достоинствах с ней так тяжело?! Зачем же ей быть такой злой?»

– Ты права, – сказал он, словно бы и не слышал выпад про коз, – какая разница.

И сам вдруг устыдился своего гнева по этому поводу. Какая разница, поедет он в первом классе с его большими синими креслами, удобными столиками и большими проходами. Или в комфортном, но более многолюдном экономклассе. «Как будто мне предстоит ночь в плацкартном вагоне стоя ехать! – подумал он. – Крокодилов не возят, на том и спасибо. Остальных переживу».

Все оставив как есть, он улегся спать. Утром, не завтракая и стараясь не разбудить Лену, вышел пораньше. По дороге он купил любимую «московскую сдобу», посыпанную сахарным песком, и бутылку кефира. Позавтракал чиновник высокого класса, сидя на парапете Университета по землеустройству под сенью знаменитых шаров. Туда же он вызвал свою персональную машину. Когда водитель подъехал, Бахметьев уже отряхнул крошки с плаща, вытер кефирные усы и имел вид степенный и солидный. На вокзал они приехали рано, Олег занял свое место в вагоне. И теперь с интересом наблюдал за окружающими. Бахметьев занимал место у прохода и радовался этому обстоятельству – так казалось, что вагон шире. Проводница, улыбающаяся девушка, уже два раза прошла мимо и каждый раз посматривала на него. В конце концов она наклонилась и тихо сказала:

– Олег Дмитриевич, может, вам принести что-нибудь?

Бахметьев вздрогнул, а потом вспомнил, что неоднократно видел эту девушку, когда ездил первым классом.

– Нет, спасибо, вы же здесь кормить будете?

– Конечно, можете по меню заказать, можете в ресторан сразу пойти. Смотрю, вы не на своем обычном месте... – засмутилась проводница.

– Да, так получилось, – тоже смутился Олег.

– Хорошо, если что – дайте знать...

– Конечно, спасибо. – Бахметьев улыбнулся. Ему было приятно, что его запомнили и узнали.

В Питер он ехал на один день. Ему надо было поприсутствовать на лекции одной «архитектурной звезды» мирового масштаба и переговорить с людьми в дружественном министерстве. Дела были несложные, разговоры по большей части приятные. Все, что готовилось в последние полгода, было уже решено и даже подписано, оставались детали, которые и должен был доделать Олег.

Бахметьев занимался архитектурными проектами. Восстановление, реставрация, охрана памятников и включение их в инфраструктуру города – это и многое другое входило в круг его обязанностей. К современному градостроительству он не имел никакого отношения. Так казалось со стороны. На практике выяснялось, что чуть ли не один из главных вопросов современного мегаполиса – это увязывание прошлого и настоящего. И здесь интересы сталкивались, как теплый и холодный воздух в небесах. И точно так же это столкновение рождало бури. Сам Олег придерживался взглядов традиционных – он считал, что старина выживет только тогда, когда станет частью современности. Сторонники крайних позиций находили в нем третейского судью и пытались сделать союзником. Бахметьев был человеком воспитанным и не слишком эмоциональным. Это помогало ему, не нарушая собственные принципы, сближать противоборствующие стороны. Еще одной его сильной стороной была щепетильность – в сомнительные проекты он не лез. Во-первых, потому, что он был лицом официальным и за свое место

держался. Во-вторых, ему не хотелось до пенсии ходить на службу. Ему хотелось прекратить карьеру лет в пятьдесят пять и отправиться путешествовать. Африку, например, посмотреть. А еще лучше Южную Америку. Именно поэтому Бахметьев вел разумный, если не сказать экономный, образ жизни. От своей семьи он требовал того же.

– Знаешь, есть не менее престижные машины, но ценой намного ниже. А качеством даже выше, – как-то сказал он своей жене Лене, когда та попросила купить ей новый автомобиль.

Лена внимательно выслушала все его доводы и спросила:

– Скажи, ты принципиальный противник роскоши? Только ответь честно, я просто хочу понять. И, если можно, растолкуй, что такая машина – это роскошь.

– Ок, – с готовностью ответил Олег, – я люблю красивые и хорошие вещи, ты же это знаешь?

– Знаю. Например, тот самый саквояж – это роскошь, верно? – ответила Лена, припомнив, как муж купил себе дорожный саквояж из дорогой кожи. Вещь стоила весьма приличных денег, и к тому же ее пришлось ждать – готовых не было. Фирма-изготовитель делала такие только на заказ. Когда посылка пришла из Лондона и Лена взяла в руки эту вещь, у нее даже дыхание перехватило – настолько совершенной эта сумка оказалась.

– Так вот, – продолжил Олег, – саквояж – это точно роскошь. Но это выгодная роскошь. Я с этим саквояжем объездил полмира, и он был моим полномочным представителем. Он не выйдет из моды, даже когда у него будут потертые уголки и ручки, – он будет стоить денег и останется статусной вещью. И, заметь, это тебе не бренд, который свистит о себе на каждом углу и подделку которого можно найти на пляже в Каннах и под Барнаулом. Такие саквояжи не подделывают. С какой стати подделывать Парфенон? Нет смысла.

Жена Лена все поняла, но согласиться с таким подходом не могла. И мечту Олега путешествовать не разделяла. Поэтому всячески препятствовала бережливому образу жизни.

– Может, я не захочу путешествовать?! – недоумевала она. – Почему сейчас я должна лишать себя каких-то удовольствий?

– Не лишай, – после очередного такого выяснения отношений сдался Бахметьев. Все это время он надеялся, что его планы жене все-таки понравятся. Но чуда не случилось. Так что «золотой запас» на «золотые времена» потихоньку таял. Куда Лена девала деньги, Бахметьев не знал. Ему казалось, что в доме все есть: шкафы полны одеждой, роскошная бытовая техника, эксклюзивная посуда, дорогая дизайнерская мебель. К тому же у Лены был свой бизнес. Когда-то она возила из стран Юго-Восточной Азии специи. Вместе со специями она продавала специальную посуду для готовки, емкости для приправ, салфетки, кулинарные книги и прочее. Ее магазинчики, или, как их еще называют, «корнеры», можно было увидеть и в демократичных торговых центрах, и в дорогих магазинах. Постепенно, войдя во вкус, Лена отказалась от приправ – они придавали бизнесу сложную специфику: например, она не всегда могла договориться с владельцами торговых площадей – запах специй был невозможен рядом с магазином элитной одежды. Поэтому Лена сосредоточила внимание на домашнем текстиле и небольших предметах интерьера, а еще позднее вдруг увлеклась винтажными тканями. И теперь в ее магазины ходили не только покупать, но и посмотреть на то, как современный интерьер можно преобразить при помощи отреза шелка пятидесятилетней давности. Олег не мог не оценить предприимчивость жены, ее умение лавировать и художественный вкус. В денежные вопросы он не лез – понимал, что в случае проблем жена и так к нему придет.

Впрочем, однажды, совершенно неожиданно для себя, Олег принес жене осязаемую прибыль. Как-то Лена, наводя порядок в кабинете мужа, – а к столу и полкам Бахметьев разрешал приближаться только ей – наткнулась на его рисунки. На больших плотных листах были изображены фрагменты известных исторических зданий Европы. Рисунки были сделаны тушью. Получив разрешение выбросить их в помойку, Лена отнесла рисунки в багетную мастерскую, попросила сделать узкие золотые рамки и развесила их у себя в главном магазине. То ли в инте-

рьер они так хорошо вписались, то ли спрос на лаконичное изящество появился, но рисунки раскупили в момент. И попросили еще. Через какое-то время Лена положила перед мужем стопку денег.

– Твоя доля, – улыбаясь, сказала она.

Когда Бахметьев узнал обо всем, он попытался рассердиться. На рисунках стояла его подпись. Он ее поставил автоматически, как это делал еще в архитектурном институте, где прививали правило: нарисовал – поставь имя.

– Некрасиво, я официальное лицо. Могут быть проблемы.

– Ерунда, – отмахнулась Лена, – никто подписи не читает. Главное – людям понравилась твоя манера, твой стиль.

Олег сердился на жену недолго – рисовать он любил всегда, а тут еще и признание. Скромное, но признание. Теперь по вечерам Олег долго просиживал за столом – накупив хорошей плотной бумаги, карандашей и туши, он рисовал выдуманные города, причудливые фасады домов, изломанные крыши. Оказалось, что приятен не только сам процесс: перо касалось бумаги – и легкий узор появлялся как бы сам по себе. Не менее приятно было придумывать, фантазировать. Что-то Бахметьев оставлял себе – самые любимые работы он складывал в особую папку и прятал в шкаф. Ему совсем не хотелось продавать наслаждение, которое охватывало его порой в эти вечерние часы. Остальные работы отнимала у него Лена и выставляла на продажу. В конце концов щепетильный Бахметьев придумал себе псевдоним Пинакль (от архитектурного «пинакли» – декоративные башенки) и ставил аккуратную, с завиточками, подпись.

– Отлично, так рождаются легенды, – рассмеялась Лена, первый раз увидев ее в уголке рисунка.

Отмечая успех мужниных работ, она в доме стала вести себя мягче. Лена уже подумывала над тем, чтобы торговать живописью, доход от «листов» мужа был вполне приличным, к тому же она обязательно раскрывала его инкогнито. Делала она это как бы случайно, словно это откровенное признание ненароком в разговоре вырвалось у нее.

В Питер Бахметьев ездил часто. «Абсолютно архитектурный город!» – шутил он. Действительно, дел там было полно – комиссии, слушания, семинары. К тому же в Питере были мастерские, которые отлично работали с историческим фондом. Олег все пытался переманить некоторых людей в Москву, но «местные» были патриотами. Еще в Питере жил Алексей Колесников – приятель, соратник, коллега. Бахметьев обязательно с ним пересекался каждый раз, когда бывал в городе по делам. Вот и сейчас, поглядывая в окно вагона, Бахметьев прикидывал, когда удобнее всего будет повидаться с другом.

Вагон был почти полон, но место рядом с Олегом еще пока не заняли. Впрочем, Бахметьев был уверен, что в Солнечногорске или Твери у него обязательно появится попутчик. А пока его не было, он устроился поудобней и попытался наметить план действий на предстоящий день. К одиннадцати часам он должен был быть в учреждении, затем еще две встречи, потом он позвонит Колесникову, а уж после этого отправится к «старикам».

«Старики» – это Таисия Петровна и Владлен Венедиктович Соболевы, родители жены. Лена еще в Москве двадцать раз напомнила, чтобы Олег их проведal и воочию убедился, что у тех все в порядке. «Они наверняка что-то скрывают! Если что-то купить надо – купи, не слушай их!» – наставляла Лена. Олег согласно кивал. Об этом ему вообще можно было не напоминать. У него было подозрение, что жена нагружает его этими делами, чтобы сократилось количество свободного времени, а стало быть, свелась к нулю возможность Олега пообщаться с питерскими знакомыми. Лена умела ревновать и к женщинам, и к мужчинам. Не ревновала она только к работе, поскольку работа приносила доход. Все остальное было вторично.

Бахметьев искренне любил стариков Соболевых. Люди они были мягкие, добрые, уважительно относились к семье дочери, Олега почитали за сына. Бахметьев был безмерно им за это благодарен – отец его умер в девяностых, а маму он похоронил три года назад. Таисия Петровна тогда, после похорон, попросила его на машине отвезти их обратно в Питер. Олег сначала неприятно удивился – только вчера были все эти скорбные хлопоты, а ему надо ехать куда-то... Но потом он понял расчет тещи и оценил ее отзывчивость. Все время, пока они ехали, Таисия Петровна спокойным тихим голосом рассказывала историю их семьи. Говорила она с подробностями, начиная издалека. Она, казалось, совершенно не интересовалась, слушает ли ее Олег. А он вскоре привык к ее неторопливому повествованию и думал о матери. Но не с надрывом, как это делают в одиночестве, а как поступают в присутствии близких людей – с тоской, но без острой боли. И в Питере старики окружили его заботой, не назойливой, но нежной.

В Москву он вернулся спокойным и признался Лене:

– Спасибо им, золотые у тебя родители.

– Иногда мне кажется, что они тебя любят больше, чем меня... – тихо сказала Лена. Бахметьев тогда подумал, что будь жена помягче, родители и не боялись бы проявить явно свою любовь. Но Лена была «железным рыцарем», как однажды выразился друг Колесников.

...В саквояже у Бахметьева лежали подарки, которые передала Лена родителям. Сам он уже придумал, чем порадует стариков. Во-первых, он закупит всяких вкусных продуктов. А во-вторых, он сводит их на Невский в кондитерскую. Там они будут есть жареный сыр бри, так полюбившийся теще, и спорить с тестем на темы градостроительства. Тесть всегда ел мало, но посидеть за столом обожал и очень любил разговоры с Олегом. Было заметно, что Владлен Венедиктович скучает по общению с молодыми, находящимися в движении людьми.

– Ты расскажи, что вы еще там напридумывали, – воинственным тоном начинал он обычно беседу. Но, споря, он не сердился и не брюзжал, слушал внимательно и даже не спешил с контраргументами. Он мог вернуться к разговору спустя время, когда Бахметьев уже и забывал, о чем же когда-то шла речь. Глядя на старика, Олег вдруг начинал задумываться о собственном будущем – пример тестя вдохновлял. Ясный ум, энергия, трудолюбие и любознательность делали жизнь этого человека насыщенной и полноценной. Да, родители Лены хворали, у них были обычные старческие недуги. Но в общем и целом это были люди, не потерявшие связь со временем и умевшие находить в нем массу положительного. А потому общаться с ними было очень приятно. И сейчас Бахметьев даже предвкушал свое появление в квартире Соболевых и тот радостный переполох, который он этим вызовет. По давней традиции о своем приезде он старикам не сообщал, чтобы не волновать их и не заставлять суетиться с обязательным парадным обедом и уборкой квартиры. И, хотя Бахметьев всегда останавливался в отеле, Таисия Петровна готовила стопку чистого постельного белья и два теплых пледа.

– Я постелю вам в кабинете, там очень удобно и окно выходит в переулок. По утрам очень тихо, – обычно говорила она.

...Поезд уже разогнал, и названия подмосковных платформ было не разобрать. Впрочем, Олег дорогу знал наизусть. В вагоне стало тихо, на экранах мелькала реклама, потом включили кино. Наслаждаясь отсутствием соседа, Бахметьев развалился в кресле, вытянул ноги наискосок и смотрел в окно. Вагон чуть покачивало, и Олега клонило в сон. Он уже почти было уснул, как прозвучал громкий женский голос:

– Я тебе позвоню, как только буду в Питере. Обязательно позвоню. Я же уже все сказала. Ничего нового. Все как планировала. И мне не очень удобно сейчас разговаривать, я мешаю людям, – голос звучал раздраженно. В раздражении, Впрочем, слышалось и смущение. Разговор женщина прекратила быстро.

Бахметьев про себя хмыкнул – нет ничего более неловкого, чем вот эти все выяснения по телефону. Его Лена тоже любила задать какой-нибудь вопрос, на первый взгляд невинный,

но почему-то отвечать на него при всех было ужасно неприятно. А Лена, как назло, повторяла вопрос и повторяла, а потом еще и спрашивала: «Тебе что, неудобно со мной разговаривать? А ты вообще где?» Олег поморщился – ему стало жаль женщину, которая никак не может отвязаться от телефонного собеседника. А то, что это именно мужчина для нее не посторонний, было очевидно. С друзьями и подругами разговаривают лихо, их обрывают на полуслове, не заботясь, обидятся они или нет. Бахметьев поерзал и осторожно наклонился в проход – ему хотелось рассмотреть говорившую. Но в это время кто-то вскрикнул, возникло небольшое оживление. Кто-то охал, кто-то говорил. Выглянув из-за спинки впереди стоящего кресла, Бахметьев увидел, как кто-то протягивает салфетку худенькой женщине, а она пытается стянуть с себя свитер. Свитер узкий, а потому, раздеваясь, женщина невольно обнажила загорелый подтянутый живот, потом появилась белая футболка, которая тоже угрожающе полезла вверх. Наконец свитер был снят, и Бахметьев увидел узкие бедра, обтянутые темными джинсами, тонкую талию, аккуратную высокую грудь. Рыжие волосы женщины немного растрепались, и она пыталась их пригладить. Наконец она села на свое место, подняла ладони к пунцовым щекам и... улыбнулась. Улыбка была смущенная и одновременно лукавая. «Черт, какая!» – подумал Бахметьев и тут же остолбенел, глядя во все глаза. Так он просидел несколько секунд, а потом с проворностью краба спрятался в своем углу. Просидев так неподвижно, Олег медленно-медленно, почти по-пластунски, перебрался на пустующее соседнее место. «Вот только этого не хватало!» – с тоской подумал он, понимая, что от хорошего настроения ничего не осталось.

Глава вторая

Когда-то...

Наши воспоминания порой обманчивы, порой вообще не имеют ничего общего с прошедшей реальностью. Еще мы обожаем сочинить то, что нам удобно предъявить себе и окружающим по истечении солидного срока. «Я никогда не умела считать! У меня по математике еле-еле тройка была!» – восклицают дамы, когда их спрашивают, почему превышен лимит на банковской карте. Обычно муж не верит таким пассажирам, но, главное, оправдание найдено.

Дина Васнецова предпочитала быть честной. Она старалась не лукавить и не утверждать, что школьные годы – это лучшие годы ее жизни. И при этом она всегда подчеркивала, что именно в старших классах появились те черты характера, которые определили всю ее дальнейшую жизнь.

До шестого класса ей в школе вообще было неинтересно. Все, что они учили, читали и о чем им рассказывали, она знала. Ее бабушка всему научила, все прочитала и все рассказала. Это, впрочем, не отменяло троек и двоек в ее дневнике. Но плохие оценки были свидетельством невнимательности и неусидчивости, а вовсе не отсутствия знаний. Так сказала учительница маме. Дина сама это слышала. И когда кто-то из родителей делал ей замечание, она особо не расстраивалась.

В седьмом классе, когда за лето она выросла из всех своих платьев и школьной формы, все очень изменилось. Во-первых, в школе появились новые предметы и новые учителя. Учебники стали увлекательными, как художественные книги, и на уроках появилось больше свободы. Дина вдруг поняла, что в школе может быть очень интересно. Она стала лучше учиться, подружилась с девочками и стала принимать участие во всех школьных мероприятиях. До седьмого класса она редко смотрелась в зеркало, равнодушно носила то, что велела мама, а свои рыжие волосы заплетала в тугие косы.

В седьмом классе Дина обнаружила, что она выше почти всех мальчиков в классе. И девочек, кстати, тоже. «Ну и кобыла ты стала!» – сказал ей Аркаша Пилюгин, ее вечный сосед с парты позади.

«Сам ты конь!» – отмахнулась Дина и тут же рассмеялась. Пилюгин, когда он вытягивался и распрямлял плечи, доходил ей всего лишь до подбородка. Дина на первом же уроке внимательно рассмотрела одноклассников. Мальчики были ужасно смешными – казалось, что все они остались на второй год в шестом классе. «Мальчишки-крепыши!» – подумала Дина, и тут ее взгляд упал на того, кого она никогда не замечала. Не замечала, потому что мальчик никогда ни в чем не участвовал, – он приходил за пять минут до звонка и уходил сразу после уроков. Он почти ни с кем не общался и никогда не оставался после уроков, что бы в классе ни происходило. Классная руководительница ему иногда делала замечания, но таким тоном, каким когда-то сказали про Дину: «Она очень способная и много знает, но неусидчивая и невнимательная!» То есть эти замечания в какой-то степени были похвалой. Дина Васнецова уже тогда различала подобные оттенки. Еще в этом мальчике была какая-то особенность – он не задирался, не обзывался, не хулиганил на переменах, не имел этой дурацкой манеры обрушить свой портфель на голову соседа. Этот мальчик всегда был аккуратно причесан, чисто одет, и вместо портфеля у него была папка. Внешне мальчик был очень домашним. Но никто и никогда не пытался проверить его на «слабо». Его не задирали и не дразнили. «А как можно его дразнить? – подумала Дина. – К нему не прицепиться. Он же очень правильный. Прямо-таки идеальный». Сама Васнецова подвергалась преследованию со стороны разгильдяев. В шестом классе к ее прозвищу Рыжая-бесстыжая, добавилось Кривляка. Последнее особенно было обидным. Ее стали так называть после того, как учительница литературы Майя Леонидовна вызвала ее к доске, после

ответа поставила «отлично», но добавила: «Только не кривляйся!» Дина удивленно пожала плечами и опять получила замечание: «Да, да, вот не надо кривляться».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.